

женихъ; а почти вслѣдъ за нею вышла замужъ за кандидата на священство и младшая сестра ея. Такимъ образомъ преосвященный Теофанъ могъ оказать великое благодѣяніе сиротамъ изъ глубины своего уединенія. А сколько подобныхъ примѣровъ благодѣянія совершилось въ бытность его епископомъ Тамбовскимъ и Шацкимъ! Одно уже устройство Женскаго Епархіальнаго Училища служить для него, поистинѣ, неувядаемымъ отъ времени памятникомъ.

Насколько любили приснопамятнаго святителя современные сослуживцы его за періодъ прохожденія имъ архіерейскаго служенія по Тамбовской кафедрѣ.—видно изъ того, что при прощаніи съ нимъ при уходѣ его на Владимірскую кафедру, современный церковный витія І. М. Сладкопѣвцевъ не могъ, какъ передаютъ, закончить отъ туги сердечной прощальной рѣчи своей. Это невольное и неожиданное безмолвіе церковнаго витія, кажется, можетъ служить большимъ доказательствомъ признательности къ преосвященному Теофану со стороны его пасомыхъ, чѣмъ самая краснорѣчивая проповѣдь.

Н. Ларинъ.

ОДИНЪ ИЗЪ СТРАДАЛЬЦЕВЪ ЗА РОДИНУ.

Отрадно отмѣтить свѣтлый образъ одного незамѣтнаго героя этой войны, скончавшагося отъ ранъ 12 іюля сего года въ одномъ изъ госпиталей г. Тулы. Это—крестьянинъ с. Ялтунова, Шацкаго у., Андрей Ивановичъ Чамкинъ. Я не зналъ въ живыхъ покойнаго, но его образъ напечатлѣлся въ моей памяти послѣ прочтенія многихъ его писемъ, присланныхъ съ войны домой чрезъ семью его приходскаго священника, о. І. Антоновскаго, моего родственника. Такъ какъ семейные покойнаго Ч. или малограмотные, или вовсе неграмотные люди, то письма, адресованныя на священника «съ передачею», послѣ прочтенія адресатами остаются обычно впродъ до новаго затребованія перечитать ихъ, или справиться объ адресѣ, или написать вновь письмо. По этимъ «человѣческимъ документамъ», какъ принято ихъ называть современными корреспондентами съ войны, кратко и воспроизводится здѣсь образъ одного изъ страдальцевъ за Родину.

Ч.—нижній чинъ; взятъ былъ въ первый наборъ на германскій фронтъ, гдѣ и оставался до того момента, какъ получилъ смертельную (какъ оказалось послѣ) рану. Онъ—семейный человѣкъ, хлѣбопашецъ и садоводъ по промыслу. (С. Ялтуново почти сплошь занимается промысловымъ садоводствомъ, имѣя школы плодовыхъ деревьевъ и др. древонасаждений). Ч. обучался въ свое время въ мѣстной земской и церковно-приходской школахъ, гдѣ и усвоилъ себѣ порядочную грамотность, что видно изъ его писемъ. Но не это главное въ немъ,—а то, что онъ человѣкъ съ живою отзывчивою на все душою, нѣжный супругъ и любящій отецъ такъ-же, какъ и почтительный сынъ, не забывающій вдали, на полѣ брани, какъ своихъ кровныхъ родителей, такъ и родителей жены. Какъ заботливый домохозяинъ, онъ не забываетъ домашнихъ дѣлъ, даетъ совѣты, указанія старику-отцу, какъ лучше поставить оставленное на него одного хозяйство, особенно садовое, очевидно такъ ему знакомое и любимое. Такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ взяты на военную службу его родной братъ и земляки—ровесники, то онъ пишетъ и о нихъ, пока они были у него на виду, въ известности.

Отношеніе его къ семьѣ мѣстнаго священника особенно характеризуетъ его какъ почтительнаго духовнаго сына и прихожанина, не теряющаго духовной связи съ приходомъ въ тяжелое для себя время духовнаго одиночества вдали отъ родины, когда онъ мыслью и сердцемъ хотѣлъ воскресить въ себѣ тѣ завѣты, которые дала ему съ ранняго возраста школа и церковь. Очевидно онъ жилъ ими, лелѣялъ ихъ въ себѣ, и когда писалъ о своихъ религіозныхъ переживаніяхъ по тѣмъ или другимъ случаямъ своей военной жизни, то писалъ искренно, отъ глубины души, безъ излишней рисовки, почему иногда замѣчалъ о себѣ: «я замечтался», особенно когда рисовались ему надежды возвратиться здоровымъ работникомъ къ семьѣ¹⁾.

Въ письмахъ къ священнику онъ одинаково вѣжливъ и предупредителенъ какъ къ своему приходскому пастырю, такъ и къ матушкѣ—женѣ его, тѣмъ болѣе, что послѣдняя прини-

¹⁾ Выдержки изъ этихъ писемъ не приводятся здѣсь за малостью мѣста.

мала живое участіе въ писаніи писемъ ему по просьбѣ его родныхъ. и отъ себя, по порученію мужа и по собственному почину.

Въ общемъ собраніе его писемъ представляетъ лѣтопись почти за годъ его военной жизни, весьма характерную для него, какъ прихожанина своего приходскаго храма, какъ семьянина—крестьянина и какъ человѣка съ опредѣленной душевной физиономіей, сложившейся въ своеобразной средѣ извѣстнаго крестьянскаго быта нашей губерніи.

Вотъ отрывки изъ его писемъ, наиболѣе характерныя. Всѣ они написаны мелкимъ убористымъ печеркомъ, часто карандашемъ, но всегда заполнены до послѣдней строчки бумаги. Онъ, можно сказать, выработалъ себѣ извѣстный стиль для писемъ.—въ этомъ его преимущество предъ другими сельчанами—воинами: письма которыхъ приходилось видѣть.

Характерно, напр., слѣдующее его письмо къ священнику и его семьѣ, какъ по надписанью, такъ и по содержанію. «Достоуважаемому батюшкѣ отцу Іоанну и обожаемой матушкѣ А. И... Письмо Ваше я получилъ, въ которомъ вы изволили прислать два листка. Благодарю васъ за то, что вы почтили своимъ вниманіемъ меня. Я въ свободное время читалъ ваши листки съ удовольствіемъ и давалъ читать солдатикамъ своей роты. Отъ васъ я получилъ два письма: вамъ посылаю третье письмо... Вы пишете, что будете послѣ войны встрѣчать насъ, какъ храбрыхъ воиновъ. О, какъ это слово звучитъ радостно и многозначительно! Дай, Господи, чтобы по вашимъ святымъ молитвамъ исполнились ваши слова!... Какъ получите мое письмо покорнѣйше прошу васъ прислать отвѣтъ. (Адресъ). Съ почтеніемъ вашъ прихожанинъ Андрей Чамкинъ. Апр. 27—1915.

Не менѣе характерно его пасхальное привѣтствіе семьѣ священника. «Христось воскресе! Симъ поздравляю васъ и обожаемую матушку съ праздникомъ св. Пасхи! Достоуважаемый батюшка, отецъ Іоаннъ! Я сердечно благодарю васъ за листокъ, который вы соблагородили дать мнѣ ²⁾. Еще я покор-

²⁾ Съ написаніемъ догматика 1-го гл. «Всемирную славу»; послано въ письмѣ. Словамъ этой свящ. пѣсни наши воины, какъ извѣстно, придаютъ

нѣйше прошу васъ помолиться за меня предъ престоломъ Всемогущаго Господа Бога, гдѣ вы совершаете Безкровную Жертву. Вамъ дана власть отъ Христа Спасителя: что свяжете на земли, то связано будетъ на небеси, что разрѣшите на земли, то разрѣшено будетъ на небеси. Достоуважаемый батюшка! не считите за дерзновеніе, что я, недостойный, осмѣливаюсь писать вамъ. Если будетъ вамъ возможно, благоволите написать мнѣ отвѣтъ». (Адресъ и подпись).

Душевный обликъ Андрея Ч., какъ семьянина, — мужа и сына, — исчерпывается двумя его письмами, которыя здѣсь позволяю привести почти полностью. Последнее письмо, предсмертное, писано чужою рукою съ краткою припискою самого Андрея на концѣ его.

Письмо къ матери и семьѣ, — продолженіе перваго письма, — къ священнику, — отъ 27 Апр. 1915 г. «Дорогая моя мамаша! Въ томъ письмѣ я узналъ, что твоя рука не подымается и что ты была у доктора. Проищи мнѣ, какая у тебя рука болитъ, — навѣрно та, въ которую ты иглу вонзила. Я объ этомъ душевно сожалью, ты нервная; тебѣ не нужно слишкомъ разстраиваться. Дорогие мои родители и дорогая моя и любезная супруга, Маша, и все мое дорогое семейство! Я покорно прошу васъ не огорчаться слишкомъ обо мнѣ: да будетъ на все воля Господня. Затѣмъ прощайте. Искренно благодарный и сердечно васъ любящій Андрей».

Въ последнемъ письмѣ воинъ-герой описываетъ обстоятельства своего пораненія въ бою, говоритъ объ операциі, сдѣланной ему, и выражаетъ надежду возвратиться домой, чему, однако, не пришлось сбыться.

«Увѣдомляю васъ, что я долго не писалъ потому, что была мнѣ операциа. Я недѣлю цѣлую лежалъ, нельзя было подняться. Раненъ я въ животъ, костей мнѣ пуля не повредила. Раненъ я 6 мая. Когда меня ранили, то я самъ дошелъ до перевязочнаго пункта, и все время я ходилъ на своихъ ногахъ. Пуля мнѣ вынута благополучно, и я сейчасъ послѣ операциі особенное значеніе, какъ ограждающимъ по вѣрѣ ихъ отъ смертной опасности въ бою.

сталъ сидѣть. Не огорчайтесь, дорогіе родители, я останусь живъ, только пролежу навѣрно долго. Затѣмъ прощайте, дорогие родители и супруга съ дѣтками и вся семья! Помолитесь за меня Господу Богу, чтобы я поскорѣе выздоровѣлъ. Писать мнѣ не велѣли. Какъ получите мое письмо пишите отвѣтъ поскорѣе». (Адресъ). Приписка рукою Андрея: «Извините, что плохо писано: малограмотный писалъ это письмо. Шлю вамъ привѣтъ. А.». Тонко чувствующій А. и въ тяжелой болѣзни считалъ нужнымъ извиниться за плохой почеркъ своего случайнаго писца.

Вѣчная память герою-воину! Да будетъ легка ему земля! Пусть будетъ эта замѣтка скромнымъ вѣнкомъ на его могилу, сплетеннымъ изъ его душевныхъ переживаній за время ратныхъ его подвиговъ!

Священникъ **Алексѣй Совѣтовъ.**

Моленіе Господу во дни брани.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

Въ смятенъѣ предѣлы Россійской земли

Во дни настоящей всемірной брани.

Молитвѣ, о Боже, Ты вѣрныхъ внемли,—

Въ бѣдахъ сихъ, напастяхъ намъ въ помощь возстани!

Какъ бурное море, вздымаясь волнами,

И съ шумомъ, и съ ревомъ стремится на брегъ.—

Такъ полчища вражьи явились предъ нами,

Ужасенъ и грозенъ ихъ буйный набѣгъ.

Исполненный злобы безсмысленной, дикой,

Воскресъ предъ нами кровавый Неронъ;

Дѣтей неповинныхъ въ борьбѣ сей великой

Громить безпощадно свирѣпый тевтонъ.

Могучъ, кровожаденъ исконный нашъ врагъ.

Поправшій святую Христову любовь;

Мы-жъ вѣримъ,—повергнешъ того Ты во прахъ,

Кто льетъ непомяну безвинную кровь,